

18+

Астра Вейн

Ближе, чем кажется

А если это он?

Астра Вейн

**Ближе, чем кажется.
А если это он?**

«Издательские решения»

Вейн А.

Ближе, чем кажется. А если это он? / А. Вейн — «Издательские решения»,

В Бостоне находят тела с идеально симметричными узорами. Детектив Харпер уверена: убийца не просто псих, он художник. Но когда все нити ведут к таинственному архитектору Деймону, она оказывается перед выбором: довериться уликам или сердцу. Деймон молчит, подозрения растут, а количество жертв множится. Харпер придётся заглянуть в самые тёмные уголки собственной души, чтобы понять: иногда любовь — это единственная правда, которой можно верить.

© Вейн А.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ «Тишина перед первым утром»	6
ГЛАВА 1 «Светлые волосы в деле»	7
ГЛАВА 2 «Кот на пороге»	10
ГЛАВА 3 «Кофе с пеплом в глазах»	13
ГЛАВА 4 «Второе тело»	16
ГЛАВА 5 «Ужин с идеальным мужчиной»	19
ГЛАВА 6 «Профиль»	22
ГЛАВА 7 «Идеальное алиби»	26
ГЛАВА 8 «Его маленький ритуал»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ближе, чем кажется А если это он?

Астра Вейн

© Астра Вейн, 2026

ISBN 978-5-0070-6249-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ «Тишина перед первым утром»

В комнате было темно. Только тусклый свет уличного фонаря пробивался сквозь неплотные шторы, ложась на пол жёлтыми полосами. Тени от веток качались на стенах, как пальцы, которые что-то ищут.

Он сидел в кресле у окна и смотрел на спящий город. Бостон спал. Тысячи окон, тысячи жизней, тысячи секретов. Никто не знал, что этой ночью что-то изменилось. Никто не слышал шагов. Никто не кричал.

На столе рядом с ним лежали перчатки. Чёрные. Тонкие. Без единого пятна.

Он снял их час назад. Или два. Он не считал время. Он никогда не считал время, когда работал. Только линии. Только узоры. Только идеальная симметрия, которую никто, кроме него, не мог бы создать.

Пирог в духовке допекался. Он поставил его перед тем, как выйти. Яблочный. С корицей.

Дом должен пахнуть уютом, когда он вернётся. Уют стирает память. Уют не задаёт вопросов.

Он встал. Подошёл к окну. Прижался лбом к прохладному стеклу. В отражении он видел только силуэт. Ни лица. Ни глаз. Ни имени.

— Кто ты? — спросил бы любой, кто увидел бы его сейчас.

Он не ответил бы. Потому что сам не знал ответа. Или знал. Но не сказал бы. Пирог был готов.

Он прошёл на кухню, достал пирог из духовки, поставил на решётку остывать. Заварил кофе — чёрный, без сахара. Сел за стол. Никто не пришёл бы сегодня. Никто не позвонил. Никто не спросил, где он был.

Он был один. Как всегда. Как хотел. Как боялся признаться — не хотел. Он отрезал кусок пирога. Поднёс ко рту. Вкус яблок и корицы заполнил рот, такой обычный, такой человеческий.

— Завтра, — сказал он тихо

ГЛАВА 1 «Светлые волосы в деле»

Бостон встретил меня серым небом и запахом мокрого асфальта. Я стояла на крыльце участка на Восьмой улице, сжимая в руке коричневый конверт с переводом. Волосы — пепельно-светлые, ниже плеч — намокли под мелким дождём и теперь неприятно липли к щекам. Я сдула прядь со лба привычным движением и толкнула тяжёлую стеклянную дверь.

Внутри было шумно. Телефоны трезвонили, копы пили кофе из одноразовых стаканчиков, кто-то орал в трубку про наручники и превышение скорости. Я прошла к стойке дежурного, стараясь не стучать берцами слишком громко. Не потому что боялась привлечь внимание — просто не люблю лишний шум.

— Харпер, — сказала я, протягивая конверт. — Новенькая.

Мужик за стойкой — лет пятьдесят, с усами и животом — окинул меня взглядом. Остановился на волосах. На глазах. На том, что я не улыбаюсь. У меня вообще плохо с улыбками.

— Детектив Харпер, — поправил он, сверившись с бумагами. — Отдел убийств. Везёт тебе. Капитан Бейкер в конце коридора, дверь с табличкой. Иди, пока он кофе не допил — он злой, когда кофе кончается.

Я кивнула и пошла. Коридор был длинный, с выцветшей зелёной краской на стенах и доской объявлений, где висело фото разыскиваемого с надписью «НАЙДЕН» поверх лица. Я не сбавляла шага. Берцы стучали по линолеуму ровно и сухо. Мне нравится этот звук.

Капитан Бейкер оказался именно таким, как я представляла: лысый, с красным лицом человека, который десять лет назад бросил курить, но до сих пор жалеет. Сидел за заваленным бумагами столом, сжимая стакан с чёрным кофе.

Запах здесь стоял соответствующий — старый табак, пот и отчаяние. Пахло как в любом другом участке.

— Харпер, — сказал он, даже не глядя на меня. — Твоё дело ждёт на столе. Труп в северной части. Мужчина, сорок три года, задушен собственным шарфом.

— Выглядит как несчастный случай, — продолжал Бейкер, делая глоток. — Но патологоанатом грызёт ногти. Говорит, что-то не так. Разберёшься.

— Почему я? — спросила я.

Я не хотела звучать дерзко. Просто хотела знать, за что меня сюда перевели — за способности или за то, что от меня хотели избавиться в прошлом отделе. Бейкер наконец поднял на меня глаза. Бледно-голубые, почти такие же, как у меня, но потухшие. Я невольно отметила это сходство и тут же пожалела. Не хочу быть похожей на него через двадцать лет.

— Потому что трое мужиков до тебя сказали «несчастный случай» и закрыли дело. А мне не нравится, когда закрывают дела с пометкой «странно».

Он отвернулся к окну. Разговор был окончен. Я вышла из кабинета и прислонилась к стене. Прикрыла глаза на секунду. Просто чтобы собраться.

Открыла папку. Дэниел Коул. 43 года. Программист. Женат. Двое детей. Найден мёртвым в гостиной собственного дома. Причина смерти: удушение. Орудие: шерстяной шарф синего цвета. Классический узел. Никаких следов взлома. Дверь заперта изнутри. Я перевернула страницу. Фотографии. Тело лежало на боку, подогнув ноги, как спящий человек. Шарф был затянут туго — так, что врезался в шею. Но главное, что бросилось в глаза сразу, ещё до всего остального — узел. Слишком аккуратный. Слишком симметричный. Не тот хаотичный узел, который человек затягивает в панике, когда задыхается. Это был узел, завязанный спокойно, с чувством завершенности. Художественный.

Как бант на подарочной коробке, которую подарили, но не хотят открывать.

Я захлопнула папку.

— Несчастный случай, — повторила я тихо, хотя рядом никого не было. — Расскажи это своей бабушке.

Я вышла под дождь. Сев в свою старую «Тойоту», завела двигатель и вдавила педаль газа, может быть, слишком резко. Колёса противно взвизгнули на мокром асфальте. Плевать. Волосы всё ещё были мокрыми, вода стекала за воротник куртки, по спине ползли холодные ручейки, но я не замечала холода. Я думала об узле.

Дорога до дома Коулов заняла двадцать минут. Адрес оказался тихой улицей с аккуратными газонами и детскими качелями во дворах. Здесь пахло жизнью — свежескошенной травой, бензином от припаркованных минивэнов и чем-то сладким из пекарни за углом.

Дом Дэниела был двухэтажный, белый, с синей дверью. Идеальная американская мечта, внутри которой кто-то умер.

Я нажала на звонок. Дверь открыла женщина — лет сорока, с красными глазами и дрожащими губами. На ней был старый халат поверх пижамы, и я сразу поняла, что она не спала, но пыталась. Просто лежала с закрытыми глазами, надеясь, что это сон.

— Миссис Коул? — спросила я как можно мягче. — Детектив Харпер. Можно войти?

Женщина кивнула и отошла в сторону, даже не спросив, зачем я пришла. Это всегда так работает в первые дни — люди ещё не научились защищаться. Потом они возненавидят полицию за вопросы, на которые не хотят отвечать. Но в первый день они просто впускают тебя внутрь.

В доме пахло кофе и вчерашним ужином. На кухне в мойке стояла грязная тарелка. Жизнь продолжалась, даже когда её следовало остановить. Меня всегда это бесило — как мир не замечает чужой боли.

Пыль оседает, еда портится, часы тикают. А человек уже никогда не встанет с ковра.

Гостиная оказалась именно такой, как на фото. Диван, кресло-качалка, телевизор с выключенным экраном. И след на ковре — там, где лежало тело. Я могла представить его даже без фотографии. Позу, угол головы, неестественный изгиб шеи.

— Вы нашли его сами? — спросила я. — Да. — Голос миссис Коул дрогнул, но она взяла себя в руки. — Я вернулась с работы. Он должен был забрать детей из школы, но не приехал. Я позвонила — не ответил. Я думала, он заснул. Он всегда засыпал на диване.

Она замолчала, прижав ладонь к губам. Я ждала. Не торопила. Я научилась ждать ещё в академии.

— У него были враги? — спросила я, хотя знала, какой получу ответ.

— Никто не ненавидел Дэниела. — Её голос стал твёрже. — Он был... тёплым. Скучным. Хорошим папой. У него не могло быть врагов.

«У всех есть враги», — подумала я. Но не сказала.

— Миссис Коул, можно посмотреть его вещи? Гардеробную? Кабинет?

Она кивнула и повела меня наверх. Я шла следом, оглядывая стены. Семейные фотографии. Дети в школе. Собака на пляже. Дэниел Коул везде улыбался — обычный счастливый человек, которого кто-то задушил его же шарфом. Гардеробная оказалась маленькой, тесной, забитой вещами. Как будто семья жила здесь десятилетиями, и каждая вещь что-то значила. Я открыла ящик с аксессуарами.

Шарфов было много — разных цветов, разных материалов. Но синий шерстяной шарф, который убил Дэниела, не был его.

Я поняла это сразу. Слишком новый, слишком дорогой для человека, который носил старые свитера с катышками. И бирка — в пыли на дне ящика, будто кто-то пытался её спрятать, но не очень старался.

Я подняла бирку. Химчистка. Но не местная. Адрес — другой район. Дэниел Коул никогда там не был. Я проверю это позже, но уже знала ответ. Шарф подбросили. Я закрыла ящик и посмотрела на миссис Коул. Она стояла в дверях, обхватив себя руками. Её трясло.

— Вы знаете кого-нибудь с чёрными волосами и серыми глазами? — спросила я вдруг.

Я не знала, зачем спросила. Просто картинка в голове сложилась сама. Кто-то спокойный. Кто-то аккуратный. Кто-то, кто завязывает идеальные узлы и покупает дорогие шарфы в чужих районах.

Миссис Коул растерялась. На её лице промелькнуло что-то — удивление, страх, непонимание.

— Нет... А зачем?

— Просто спросила. — Я улыбнулась одними губами, той улыбкой, которая не касается глаз. — У вас очень красивый дом.

Я вышла на крыльцо и глубоко вдохнула сырой воздух. Дождь кончился, но небо оставалось серым. Достала телефон. Открыла список контактов — пустой. Я не заводила друзей.

Друзья — это слабость, а слабость в нашем деле убивает.

Но почему-то сейчас мне захотелось кому-нибудь позвонить. Рассказать про узел. Про шарф. Про странное чувство, что этот Дэниел Коул — только начало.

Я убрала телефон в карман и пошла к машине. Волосы высохли и теперь висели тусклыми прядями. Я сдула их со лба в сотый раз за сегодня.

В участке меня ждала папка. А в папке — фотография мёртвого человека с идеальным узлом на шее. Я не знала тогда, что эта фотография станет первой в длинном ряду. Что узлы будут повторяться, усложняться, превращаться в узоры. И что человек с чёрными волосами и серыми глазами уже смотрит на меня откуда-то из темноты. Но в тот момент я просто завела двигатель и поехала писать рапорт. Ближе, чем казалось. Я ещё не знала, как близко.

ГЛАВА 2 «Кот на пороге»

Возвращаться домой после первого дня в новом отделе — это как нырять в холодную воду. Знаешь, что будет больно, но всё равно надеешься, что привыкнешь быстрее. Я не привыкла.

Квартира встретила меня темнотой и запахом закрытого помещения. Я не открывала окна уже три дня — всё некогда. Щёлкнула выключателем. Свет в прихожей замигал, потом загорелся ровно. Дешёвая лампочка, купленная в соседней круглосуточной. Такие обычно перегорают через неделю. Меня это устраивает. Не люблю, когда что-то служит слишком долго. Это создаёт иллюзию постоянства.

Я скинула берцы у порога. Поставила их ровно — носки к стене. Старая привычка из академии. Потом стянула куртку и повесила на крючок. Кожа скрипнула привычно. В кармане зазвенели ключи и мятая жвачка.

Я прошла на кухню, чтобы налить воды. стакан — один, чайник — пустой, холодильник — почти пустой. Творог с истёкшей неделю назад датой, полпакета молока и две банки дешёвого пива. Нормальный холостяцкий набор, только вместо пиццы — папка с делом на столе.

Я поставила стакан в мойку и уже собралась идти в душ, когда заметила.

Дверь. Я её не закрыла. Вот так просто. Стоит, приоткрыта на пару сантиметров, и сквозняк колышет край коврика в прихожей. У меня ёкнуло сердце. Я точно помнила, как закрыла дверь. Даже проверяла дважды — у меня с этим паранойя после того случая в Броктоне, когда в мой старый дом кто-то залез через чёрный ход. С тех пор я дёргаю ручку по три раза.

Медленно, стараясь не стучать босыми ногами по полу, я подошла к двери. Выглянула в подъезд. Тишина. Лампочка на лестнице перегорела, и было темно, только слабый свет из моей квартиры падал на бетонные ступени.

И на него. Маленький. Чёрный. С красным бантом на шее.

Котёнок сидел на коврике, поджав лапы, и смотрел на меня жёлтыми глазищами. Не двигался. Не мяукал. Просто смотрел, будто ждал, когда я его замечу.

— Ты откуда? — спросила я вслух.

Котёнок моргнул. Я присела на корточки. Рассмотрела бант. Не просто ленточка, а настоящий, тканевый, с маленькой пластиковой биркой. Как на подарке.

Я перевернула бирку. Там был номер телефона. И имя.

«Смоки».

Я чуть не рассмеялась. Смоки — Дымок. Чёрный кот с именем для серого. Кто-то явно не заморачивался логикой.

Я взяла котёнка на руки. Он оказался лёгким и тёплым, почти невесомым. Не царапался, не вырывался. Просто прижался к моей груди и заурчал. Громко, как трактор.

— Ладно, — сказала я ему. — Сейчас разберёмся.

Закрыла дверь. На этот раз на все замки. И на цепочку. И стул приставила на всякий случай. Паранойя, да. Но паранойя сохраняет жизнь.

Я налила в блюдце молока — того самого, с истекающим сроком. Котёнок пить не стал. Он сидел на столе среди моих бумаг и смотрел на меня.

— Чего тебе? — спросила я.

Он мяукнул. Один раз. Требовательно. Я достала телефон. Набрала номер с бирки. Гудки. Три. Четыре. Пять. Я уже хотела сбросить, когда на том конце сняли трубку.

— Алло? — Голос был приятный. Мужской. Низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. Как у человека, который только что проснулся или который никогда не спит.

— Здравствуйте, — сказала я. — Это вы потеряли кота?

Пауза. Неловкая. Я услышала, как он выдохнул — то ли с облегчением, то ли с удивлением.

— Потерял? — он чуть усмехнулся. — Скорее, он сбежал в третий раз за месяц. Где вы его нашли?

— На пороге моей квартиры.

— На пороге? — теперь он звучал заинтересованно. — Это где?

Я назвала район. Он снова замолчал.

— Странно. Мы живём в другом конце города. Смоки обычно далеко не уходит.

— Может, у него приключения, — сказала я. — Кошки любят приключения.

— Кошки любят неприятности, — поправил он. И в голосе снова появилась та лёгкая усмешка. — Послушайте... простите, я не знаю вашего имени.

— Харпер, — сказала я. Потом подумала и добавила:

— Эллис.

— Эллис, — повторил он, будто пробуя на вкус. — Красивое имя. Я Деймон.

Деймон. Редкое имя. Я прокрутила его в голове пару раз. Деймон. Звучит как имя человека, который читает старые книги и не ест фастфуд.

— Приятно познакомиться, Деймон, — сказала я. — Вы когда заберёте кота?

— Могу сейчас, — ответил он без паузы. — Или... — он сделал паузу уже нарочно. — Или выпьем кофе завтра? Я угощаю, за то что вы приютили моего бандита.

Я хотела отказать. У меня было дело. У меня была папка с фотографиями мёртвого мужчины и шарфа с идеальным узлом. У меня была куча причин сказать «нет».

Но почему-то я сказала:

— Хорошо. Где и во сколько?

Он назвал кофейню. Маленькую, в центре, ту, мимо которой я проходила сто раз, но никогда не заходила. Завтра, в два часа дня.

— Я приду, — сказала я.

— Я буду вас ждать, Эллис, — ответил он. И отключился.

Я посмотрела на телефон, потом на котёнка. Тот наконец припал к блюдцу и жадно пил молоко, оставляя маленькие следы на столе.

— Смоки, — сказала я ему. — Твой хозяин странный.

Кот поднял голову, облизнулся и посмотрел на меня жёлтыми глазами. Он будто знал что-то, чего не знала я. Я погладила его по чёрной шерсти. Она оказалась мягкой, почти шелковистой. Кот заурчал громче.

— Ладно, — сказала я. — Ночевать будешь в ванной. Не обижайся.

Я отнесла его в ванную, постелила на пол старое полотенце, поставила воду и ещё одно блюдце с молоком. Котёнок не сопротивлялся. Он свернулся калачиком на полотенце и закрыл глаза. Я закрыла дверь и прислонилась к стене. В голове крутилось сразу несколько мыслей.

Первая: шарф. Я не могла перестать думать об этом узле. Слишком идеальный. Слишком спокойный.

Кто-то задушил человека и сделал это красиво. Это пугало меня больше, чем если бы он просто разорвал жертве горло.

Вторая: Деймон. Его голос. Спокойный, низкий. От него пахло — нет, не пахло, я же по телефону — но почему-то мне показалось, что от него должно пахнуть деревом и хлебом. Глупо. Я даже не видела его лица.

Третья: кот. Чёрный кот с красным бантом. Который нашёл мою дверь. В доме, где я живу всего месяц. В районе, где никто меня не знает.

Я выключила свет и легла на диван. Не раздеваясь. Футболка с длинным рукавом, джинсы. Так спокойнее. Закрыла глаза. Перед ними — узел. Шарф. Фотография. И чьи-

то руки. Длинные пальцы, завязывающие его медленно, спокойно, аккуратно. Как бант на подарке.

Я заснула с этой картинкой.

Смоки мяукал в ванной до трёх часов ночи.

ГЛАВА 3 «Кофе с пеплом в глазах»

Я пришла в кофейню за десять минут до назначенного времени.

Привычка, выработанная годами работы в полиции. Всегда приходи первым. Осмотрись. Найди выходы. Не садись спиной к двери. Паранойя, да. Но паранойя, которая однажды спасла мне жизнь, когда свидетель попытался ударить меня ножницами прямо в комнате для допросов.

Кофейня называлась «Северная звезда». Маленькая, уютная, с продавленными кожаными диванами и столиками из тёмного дерева. Запах свежемолотых зёрен и корицы ударил в нос, как только я открыла дверь. На стенах висели чёрно-белые фотографии города — старый Бостон, ещё до небоскрёбов, с трамваями и мужчинами в шляпах.

Я выбрала столик у окна. Отсюда видно и вход, и улицу. Волосы я собрала в низкий хвост — не хотелось, чтобы они лезли в лицо.

Светлые пряди, ещё влажные после утреннего душа, холодили шею.

Бармен — парень лет двадцати с татуировкой на руке — подошёл принять заказ. Я попросила чёрный кофе. Без сахара. Он кивнул и ушёл. Я ждала.

За окном моросил дождь. Такой же, как вчера. Бостон, кажется, никогда не просыхал до конца. Люди бежали по тротуару, прячась под зонтами или просто натянув капюшоны на головы. Я смотрела на них и думала о Дэниеле Коуле.

Патологоанатом прислала предварительный отчёт утром. Никаких следов борьбы. Никаких других травм, кроме удушения. Но она подтвердила мои подозрения: узел был завязан не самим погибшим. Слишком сложный, слишком симметричный. Человек в состоянии паники, задыхаясь от собственного шарфа, не мог бы сделать такого.

Значит, убийство. Я сделала глоток кофе. Горький, почти обжигающий. Именно такой я люблю. Дверь открылась. Я подняла глаза.

Он вошёл не так, как входят обычные люди. Не оглядывался по сторонам, не стряхивал капли дождя с одежды, не шурился от полумрака после яркой улицы. Он просто вошёл — и помещение будто стало теснее.

Высокий. Выше меня на голову, а то и больше. Плечи широкие, но не как у качка — скорее как у человека, который много работает руками. Чёрные волосы зачёсаны наверх и назад — небрежно, будто пальцами, без расчёски. Одна прядь спадала на лоб, почти касаясь брови. Тёмные, густые, с холодным синеватым отливом при свете ламп.

Но главное — глаза. Серые. Не светло-серые, не тёмно-серые. Пепельные. Как угли, которые прогорели, но всё ещё хранят тепло. Такие глаза не забываются.

На нём была белая футболка, тёмные джинсы и серый кардиган крупной вязки, накинутый сверху. Обувь — кожаные ботинки на плоской подошве, почти без грязи, хотя на улице лило. Часы на левом запястье — старые механические с коричневым ремешком.

Я смотрела на него дольше, чем следовало. Он заметил меня почти сразу. Его взгляд скользнул по залу, задержался на мне на секунду — и он улыбнулся. Не широко, не показно. Чуть приподнял уголки губ, наклонил голову вправо. Будто мы были старыми знакомыми, а не двумя незнакомцами, которые обменялись парой фраз по телефону.

Он подошёл к моему столику.

— Эллис? — спросил он.

Голос. Такой же, как вчера. Низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. Я узнала бы его из тысячи.

— Деймон, — кивнула я.

— Можно сесть?

— Я бы не предлагала кофе стоя.

Он усмехнулся — коротко, одними глазами — и сел напротив. Сел не торопясь, положил локти на стол, сложил руки в замок. Длинные пальцы.

— Ты тут живешь? — спросил он.

— Да, я детектив, — ответила я, сделав глоток горячего кофе. — А ты?

— Я приехал учиться на архитектора и остался работать. — Ты не похожа на детектива, — продолжил он.

Я подняла бровь.

— А на кого я похожа?

— На художницу, — ответил он, не моргнув. — Или на психолога. У тебя изучающий взгляд. — Это профессиональное, — сказала я. — Ты тоже не похож на архитектора.

— А на кого я похож?

Я на секунду задумалась. Потом сказала правду:

— На человека, который слишком много знает.

Он засмеялся. Тихо, почти беззвучно, но искренне. И его глаза — эти пепельно-серые глаза — вдруг стали теплее. Хотя, может, мне просто показалось.

— Это комплимент? — спросил он. — Это наблюдение.

Бармен подошёл к нашему столику. Деймон заказал капучино и кусочек яблочного пирога. Я не заказывала ничего. Кофе у меня ещё был.

— Пирог в три часа дня? — спросила я. — А почему нет? — он пожал плечами. — Жизнь слишком коротка, чтобы отказывать себе в пироге.

— Звучит как цитата.

— Моя собственная. — Он улыбнулся той же мягкой улыбкой. — Как там Смоки? Не надоел тебе за ночь?

— Он орал до трёх часов. — Я сделала глоток кофе. — Я почти вызвала экзорциста. — Он всегда такой. Привык спать в постели со мной, а ванна для него — личное оскорбление. — Значит, ты спишь с котом.

— Значит, кот спит со мной. Есть разница.

Я не удержалась от лёгкой усмешки. Он заметил это. Я заметила, что он заметил.

Принесли его капучино и пирог. Пирог выглядел великолепно — золотистая корочка, сахарная пудра, аромат корицы и яблок. Деймон отломил кусочек вилкой и отправил в рот, не предложив мне.

— Невежливо, — сказала я.

— Я угощаю кофе, — ответил он с полным ртом. — Пирог — моя личная терапия.

— Ты каждый день так терапируешь? — Когда есть повод.

— И какой повод сегодня?

Он посмотрел на меня поверх чашки. В его взгляде было что-то неуловимое — не напряжение, нет. Скорее... любопытство. Как у человека, который решает головоломку и знает, что уже нашёл ответ, но хочет насладиться процессом.

— Я встретил девушку, которая нашла моего кота, — сказал он. — Этого достаточно.

Я отвела глаза первой. Это случилось так быстро, что я не успела себя остановить. Он ничего не сказал. Просто допил капучино и принялся за пирог.

Мы проговорили почти час. О том, о сём. Он рассказывал о своей работе — проектировал жилые комплексы, много ездил по городу, любил старую архитектуру. Я слушала.

Иногда вставляла пару фраз про себя — что недавно перевелась в отдел убийств, что люблю тишину и не люблю врать.

— Ты странная, — сказал он под конец. — Это тоже профессиональное, — ответила я.

Он встал, оставил на столе деньги за нас обоих — я попыталась возразить, но он отмахнулся.

— Ты уже сделала больше, чем должна была. Спасибо за Смоки.

— Когда заберёшь его?

— Сегодня вечером. Если ты не против.

Я продиктовала адрес. Он кивнул, надел кардиган — жест, который сделал его плечи ещё шире, — и направился к выходу.

У двери он обернулся.

— Эллис.

— Да?

— Тот мужчина, которого убили. — Он замолчал на секунду. — Ты найдёшь того, кто это сделал?

Я замерла.

— Откуда ты знаешь про убийство? — Это было в новостях. — Его лицо оставалось спокойным. — Просто... будь осторожна. Такие вещи оставляют следы. Не только на жертвах.

Он вышел под дождь, не оборачиваясь. Я осталась сидеть, смотрела в окно, как он идёт по мокрому тротуару, не ускоряя шага, не прячась от дождя. Чёрные волосы намокли и прилипли ко лбу.

«Будь осторожна», — сказал он.

Я не знала тогда, что это была не забота. Это была подсказка. А может, насмешка.

Деймон Флинн исчез за углом, а я всё ещё сжимала пустую чашку и думала о том, почему мне не стало страшно. Почему мне стало тепло.

В участок я вернулась через полчаса. Взяла папку с делом Дэниела Коула и написала на полях:

«Проверить связь: чёрные волосы, серые глаза» Потом зачеркнула.

Потому что это звучало как бред. Но бред иногда оказывается правдой. Я ещё не знала, как скоро это узнаю.

ГЛАВА 4 «Второе тело»

Три дня спустя я перестала спать. Не то чтобы я спала много раньше — четыре-пять часов в сутки, иногда шесть, если очень повезёт. Но теперь организм будто дал команду: всё, режим ожидания отключён. Мы работаем.

Я сидела в участке за своим столом, в котором ещё не успела навести порядок. Пустые коробки из-под пончиков, три чашки с высохшими кофейными разводами на дне, стопка распечаток, которые я читала и перечитывала. Фотография Дэниела Коула с идеальным узлом на шее висела на мониторе, приколотая стикером с надписью «НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ?» — и жирным красным маркером перечёркнутым. Я не продвинулась ни на шаг.

Шарф привёл в химчистку в другом районе. Там работала пожилая корейка, которая не говорила по-английски. Её дочь, переводившая для меня, сказала, что шарф принёс мужчина, но она не запомнила лица. Высокий, тёмные волосы, приятный голос. Это всё.

— Серые глаза? — спросила я.

Дочь перевела. Женщина пожала плечами, потом кивнула. Или нет. Она была уверена только в том, что мужчина хорошо пах. Дорогим одеколоном и свежей выпечкой.

Я записала это в блокнот и почувствовала, как по спине пробежал холодок. Пах свежей выпечкой.

Деймон Флинн пах сандалом и свежим хлебом. Я заметила это в кофейне, когда он наклонился надо мной, ставя чашку с капучино. Совпадение. Только совпадение.

Я заставила себя выкинуть эту мысль.

Утром четвёртого дня Бейкер вызвал меня к себе. Я вошла без стука — он терпеть не мог, когда стучат, говорил, что это отвлекает от важных мыслей. Важные мысли Бейкера обычно заключались в том, где взять нормальный кофе и когда уже выйти на пенсию.

— Харпер, — сказал он, не поднимая головы. — Бросай своего Коула.

Я замерла на пороге.

— Что?

— Бросай, — повторил он. — Появилось новое дело. Похоже на твоё.

Он протянул мне тонкую папку. Такую же тонкую, как три дня назад. Я открыла. Женщина. Тридцать два года. Найдена мёртвой в собственной квартире.

Причина смерти: множественные колото-резаные ранения спины.

Я перевернула страницу. Фотография. Она лежала на животе, руки вытянуты вдоль тела, голова повернута набок. Как будто спала.

И только тёмные пятна на простыне говорили о том, что сон этот — навсегда. Но не это привлекло моё внимание.

Раны. Они были не хаотичными. Не беспорядочными ударами в приступе ярости. Они были... правильными.

Параллельные линии. Четыре разреза на левой стороне спины, четыре — на правой. Симметричные. Аккуратные. Как будто кто-то рисовал по линейке. Узоры.

— Это тот же? — спросила я.

Бейкер наконец поднял голову. Его бледно-голубые глаза — такие похожие на мои — смотрели устало.

— Патологоанатом говорит — возможно. Почерк разный: там удушение, здесь нож. Но есть кое-что общее.

— Что?

— Аккуратность. — Он постучал пальцем по столу. — Первое выглядело как несчастный случай. Второе — как ритуальное убийство. Но оба слишком... идеальны. Понимаешь?

Я понимала. Дэниел Коул был задушен шарфом так чисто, что трое детективов назвали это несчастным случаем. Эта женщина была изрезана так ровно, будто хирург делал операцию. Кто-то с очень спокойными руками. И очень странным чувством красоты.

— ФБР уже в курсе, — сказал Бейкер. — Они считают, что это может быть начало серии. Два похожих убийства за полгода — порог, после которого они подключаются официально. — Два за полгода, — повторила я. — А до этого? — Ничего. Чисто.

— Тогда откуда уверенность, что это серийный?

Бейкер посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах мелькнуло что-то — уважение или предупреждение, я не поняла.

— Потому что такие вещи не случаются дважды просто так, Харпер. Кто-то начал. И он не остановится.

Я забрала папку и вышла. В коридоре я прислонилась к стене и закрыла глаза.

Передо мной стояли две фотографии. Мужчина с узлом на шее. Женщина с узорами на спине. Два разных орудия. Два разные жертвы. Один подчерк: идеальная чистота, симметрия, аккуратность, граничащая с одержимостью. Я открыла глаза и пошла в морг.

— Это не просто убийца, — сказала патологоанатом, когда я показала ей фотографии обоих тел рядом. Её звали Нина Вонг, и она была единственным человеком в Бостоне, который любил мёртвых больше, чем живых.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я. — Посмотри на углы. — Она ткнула пальцем в снимок. — На разрезы. Расстояние между ними одинаковое с точностью до миллиметра. И на шее — тот же принцип. Узел завязан так, что давление распределено равномерно. Это не просто убийство. Это... искусство. — Искусство, — повторила я с отвращением. — Я не одобряю, я констатирую. — Нина пожала плечами. — Кто-то относится к этому как к творчеству. Он не торопится. Не паникует. Не оставляет следов. Он получает удовольствие от процесса.

— Психопат, — сказала я.

— Функционирующий психопат, — поправила Нина. — Худший вид. У него есть работа, друзья, возможно, девушка. Он ходит в кино и улыбается соседям. А ночью рисует узоры на человеческой коже.

Я сглотнула. Ком в горле был твёрдым, как камень.

— Узоры, — повторила я. — Ты сказала «узоры».

— Ну да. — Нина склонилась над телом. — Посмотри. Это же почти орнамент. Линии, параллели, симметрия. Он художник, твой убийца. Только холст — живой.

Я вышла из морга, и меня вырвало за углом здания. Не от вида крови. Я видела кровь сотни раз. Меня вырвало от осознания, что где-то в городе ходит человек, для которого убийство — это творчество. Который завязывает узлы, как банты на подарках. Который режет людей, как бумагу.

И который, возможно, вчера пил кофе со мной в маленькой кофейне на другой стороне города.

Я вытерла рот тыльной стороной ладони и заставила себя выпрямиться.

Вернулась в участок, села за стол. Достала чистый лист бумаги и написала:

Профиль (предварительный):

— Мужчина, 25—35 лет.

— Высокий интеллект.

— Спокойный, контролируемый.

— Имеет художественные или архитектурные навыки.

— Работает в творческой сфере.

— Может быть обаятельным, социально адаптированным.

— Живёт один или с партнёром, который ничего не подозревает.

— Оставлял подсказки? Шарф не его — подброшен. Зачем?

Я посмотрела на последнюю строчку и задумалась. Зачем убийце подбрасывать шарф, который можно отследить? Зачем оставлять улику, пусть и слабую? Это было неосторожно. А он не был неосторожным.

Значит, это не ошибка. Значит, он хотел, чтобы нашли шарф. Хотел, чтобы его искали.

— Игра, — сказала я вслух.

— Что? — спросил коллега за соседним столом. — Ничего, — ответила я. — Работай.

Я сложила листок и убрала в ящик стола. Вечером я поехала домой. На пороге никого не было. Ни чёрного кота, ни красного банта, ни записок. Тишина. Пустота. Только дождь, который в Бостоне не кончался никогда.

Я открыла дверь, включила свет.

Смоки Деймон забрал на второй день. Приехал вечером, взял кота на руки, посидел десять минут, выпил чашку чая — я заварила, потому что неудобно было не предложить, — и ушёл. Сказал «спасибо» и «увидимся». Сказал, что я ему понравилась. Я сказала, что он мне тоже. Это была правда. И эта правда сейчас пугала меня больше, чем фотографии мёртвых тел. Потому что под описание профиля подходило слишком много людей.

И один из них пах свежей выпечкой.

ГЛАВА 5 «Ужин с идеальным мужчиной»

Через два дня после того, как я нашла второе тело, Деймон написал мне.

Не позвонил. Написал сообщение.

Деймон: «Я тут испёк пирог. Не яблочный, вишнёвый. Если не придёшь, съем один. И буду страдать.»

Я смотрела на экран телефона пять минут. Может, десять. Не знаю. Я сидела за своим столом в пустом участке — уже девять вечера, все разошлись, даже Бейкер. Передо мной лежали распечатки, которых стало в два раза больше. Фотографии узоров на спине. Отчёт Нины.

«Раны нанесены с одинаковым давлением. Оружие — тонкое лезвие, вероятно скальпель или очень острый нож. Убийца не торопился. Время между первым и последним разрезом — около сорока минут.»

Сорок минут. Он работал сорок минут над живым человеком. И ни одна соседка ничего не слышала.

Я убрала телефон в карман, не ответив. Через час он написал снова.

Деймон: «Пирог остывает. А у меня есть вино.»

Я ответила.

Эллис: «Дай адрес.»

Его квартира находилась в старом кирпичном доме в районе, который местные называли «тихим» — что обычно означало «дорого». Я припарковалась у тротуара, выключила двигатель и несколько минут просто сидела, глядя на освещённые окна третьего этажа. Почему я согласилась? Потому что устала. Потому что хотела есть. Потому что последние два дня я видела только мёртвых, а хотелось увидеть живого. Живого, который печёт пироги и шлёт сообщения со смайликами. Это было нормальное желание.

Я повторяла это себе, пока шла к подъезду.

Дверь открыл Деймон. На нём была белая футболка с закатанными до локтя рукавами и тёмно-синие штаны. Босиком. Чёрные волосы влажные — видимо, только что из душа.

— Ты пришла, — сказал он. Не удивился. Утвердил.

— Пирог, — ответила я. — Ты обещал пирог.

Он улыбнулся и отошёл в сторону, пропуская меня. Квартира оказалась просторной. Высокие потолки, старые деревянные полы, много света — даже в девять вечера. На стенах висели чёрно-белые фотографии зданий. Не городские пейзажи, а детали: угол крыши, фактура кирпича, тень от кованой решётки.

— Твои? — спросила я, кивнув на фото. — Мои. — Он закрыл дверь. — Я люблю архитектуру за её честность. Здания не врут.

Я прошла в гостиную. Диван, низкий столик, книжные полки от пола до потолка. На полках — архитектурные альбомы, детективы, пара томиков стихов. В углу — старое пианино.

На пианино — фотография в рамке, я присмотрелась, мужчина и женщина, оба седые, улыбаются.

— Родители, — сказал Деймон за моей спиной. — Они в Мэне. Я навещаю их раз в месяц. — Ты хороший сын.

— Я стараюсь.

Кухня была отделена от гостиной барной стойкой. Там, на столе, стоял пирог. Вишнёвый, с решёткой из теста сверху. Рядом — две тарелки, две вилки и бутылка красного вина.

— Ты серьёзно, — сказала я. — Вино, пирог, свечи? Где свечи?

— Ты смеёшься, но я действительно купил свечи. — он полез в ящик. — Потом решил, что это перебор.

— Умное решение.

Он налил вино в бокалы. Простые бокалы, не хрустальные. Я взяла свой и сделала глоток. Терпкое, полусладкое. Недорогое, но приятное.

— За что пьём? — спросил он.

— За то, чтобы у нас были причины пить, — сказала я.

Он поднял бокал и чокнулся. Мы сели за стол. Пирог оказался вкусным — в меру сладким, с кислинкой, тесто таяло во рту. Я съела кусок, потом второй.

— Ты голодная, — заметил Деймон. — Я всегда голодная, — ответила я с набитым ртом. — Работа такая.

— Твоя работа... — Он замолчал, подбирая слова. — Это тяжело?

Я подняла на него глаза.

— Ты про убийства?

— Да.

— Ты хочешь говорить об убийствах за вишнёвым пирогом?

— Я хочу говорить о том, что тебя беспокоит, — сказал он спокойно.

— А тебя беспокоит это дело.

Я положила вилку.

— С чего ты взял?

— У тебя под глазами синяки. Ты почти не ешь — съела два куса, как будто заставляла себя. И ты смотрела на мои фотографии дольше, чем на меня. — он отпил вино. — Ты ищешь подсказки везде. Даже там, где их нет.

Я замерла.

— Ты параноик, — сказал он. — Но не в плохом смысле. Просто ты привыкла, что мир опасен. И ты права. Мир опасен.

— Откуда ты знаешь, что я привыкла?

Он поставил бокал на стол. Его пепельные глаза смотрели прямо на меня — не мигая, не отводя взгляда.

— Потому что я тоже так живу, Эллис. Я проверяю замки по три раза. Я смотрю на людей и думаю, что у них в карманах. Я не верю в случайности.

— Ты архитектор. — Я человек с тревожностью, — поправил он.

— Архитектура — это просто способ сделать мир контролируемым.

Когда проектируешь здание, всё подчиняется правилам. Углы, линии, нагрузки. Никакой случайности.

Я слушала его и чувствовала странное родство. Не то которое возникает от общих интересов. То, которое возникает от общих страхов.

— Сегодня нашли второе тело, — сказала я. Не знаю зачем. Просто слова вылетели сами. Деймон не вздрогнул. Не побледнел. Не отвёл глаз.

— Я видел в новостях, — сказал он. — Женщина в северной части?

— Да.

— Ты поэтому не спала?

Я кивнула. Он протянул руку через стол и накрыл мою ладонь своей. Ладонь была тёплой, сухой.

— Ты найдёшь его, — сказал он. — Я в тебя верю.

Я посмотрела на его руку поверх моей.

На шрам на левом запястье — тонкую белую линию, похожую на след от верёвки или ожога. Потом перевела взгляд на его лицо. Он улыбался. Той мягкой, неспешной улыбкой, которая делала его похожим на человека, который никогда не причинит тебе боль.

Я не убрала руку.

— Почему ты так уверен? — спросила я. — Потому что ты не сдаёшься, — ответил он. — Даже когда не знаешь, куда идти.

Мы сидели так минуту. Или две. Я перестала считать. Потом он убрал руку первым. Встал, собрал тарелки, отнёс в мойку.

— Хочешь ещё вина?

— Нет, — сказала я. — Мне пора.

Он не уговаривал остаться. Не спрашивал почему. Просто кивнул, проводил до двери, помог надеть куртку.

— Спасибо за пирог, — сказала я. — Спасибо, что пришла, — ответил он.

Я вышла в подъезд. Дверь за мной закрылась тихо. В машине я сидела десять минут. Не заводила двигатель. Просто смотрела на тёмные окна его квартиры и думала. Он не спросил меня про узоры.

Большинство людей спросили бы. Что значит «множественные ранения»? Как это выглядит? Был ли это нож? Почему женщина не кричала? Он не спросил ничего. Потому что уже знал. Или потому что не хотел знать. Я завела двигатель и поехала домой. Всю дорогу я чувствовала его ладонь на своей руке. И не знала, что делать с этим теплом.

ГЛАВА 6 «Профиль»

На следующее утро в участке пахло кофе и паникой. Я знала этот запах. Он появляется, когда начальство понимает, что дело пахнет не просто убийством, а чем-то большим. Серийным. Тем, что привлечёт внимание федералов, прессы и — самое страшное для Бейкера — его собственного начальства.

Я приехала в семь утра. Не потому что хотела — потому что не спала. Всю ночь я ворочалась в постели, и перед глазами стояли две фотографии: узел на шее Дэниела Коула и узоры на спине неизвестной женщины, имени которой я ещё не запомнила.

Лора. Её звали Лора. Лора Беннетт, тридцать два года, менеджер в цветочном магазине. Я узнала это в три часа ночи, когда пролистывала досье в сотый раз. Жила одна. Ни мужа, ни парня, ни кота. Родители в Огайо. Коллеги сказали, что она была тихой, ни с кем не ссорилась, никому не переходила дорогу. Идеальная жертва. Как и Дэниел Коул. Никто не хотел их смерти. Никто не выиграл от того, что они умерли. Они просто оказались в неправильном месте в неправильное время. Или перед неправильным человеком.

Я сидела за своим столом, когда в дверь отдела вошли трое в чёрных костюмах.

Не знаю, почему их называют федералами. Они не носят ковбойские шляпы и не стреляют из револьверов на ходу. Они выглядят как продавцы подержанных машин — серые лица, серые галстуки, одинаковые причёски.

Но глаза у них другие. Глаза у федералов — как у акул. Они смотрят на тебя и уже знают, съедят или проплывут мимо.

Первый — мужчина лет пятидесяти, с залысинами и тяжёлым подбородком — представился агентом Моррисоном. Двое других были моложе, молчаливые, с блокнотами в руках.

— Детектив Харпер? — спросил Моррисон, даже не глядя на мою табличку.

— Да, — сказала я, не вставая.

— Мы забираем дело.

Я подняла бровь.

— На каком основании?

— На основании того, что у нас два тела с одинаковым почерком и промежутком в три месяца, — ответил он спокойно. — Это серия. Серия — наша территория.

Он сказал это так, будто читал лекцию студентам. Спокойно, свысока, с лёгкой скукой.

Я ненавидела этот тон. Но спорить не стала — бесполезно.

— Ваш кабинет? — спросила я.

— Временно работаем здесь. — Моррисон оглядел комнату. — ФБР организует штаб в переговорной. Вы будете переданы нашей группе в качестве местного детектива.

— Передана, — повторила я. — Звучит как мебель.

— Вы знаете местность, — сказал он, пропустив мой комментарий мимо ушей.

— Вы знаете детали. Вы будете полезны.

«Буду полезны», — мысленно передразнила я. Но вслух сказала:

— Хорошо. С чего начнём?

Моррисон посмотрел на меня долгим взглядом. Оценивающим. Как на лошадь перед покупкой.

— Начнём с того, что вы расскажете мне всё, что знаете, и не пропустите ни одной детали, даже если она кажется вам глупой или неважной. — Я не пропускаю деталей, — сказала я.

— Посмотрим.

Следующие три часа мы провели в переговорной. Я, Моррисон и двое его молчаливых помощников. Я выложила на стол всё: фотографии, отчёты, распечатки, свои заметки на полях. Узел. Шарф. Химчистка в другом районе. Свидетельство

женщины-корейки про высокого мужчину с тёмными волосами.

— Он пах хорошо, — процитировала я. — Дорогим одеколоном и свежей выпечкой.

Моррисон записал это. Без эмоций.

— Женщина, Лора Беннетт, — продолжила я. — Раны на спине. Симметричные, параллельные. Похоже на орнамент. Патологоанатом говорит, что убийца не торопился — работал около сорока минут.

— Сорок минут, — повторил Моррисон. — Это долго. Жертва кричала?

— Никто ничего не слышал.

— Значит, он либо оглушил её сначала, либо она была связана, либо... — он замолчал.

— Либо она была уже мёртва, — закончила я. — Либо она была уже мертва, — кивнул он. — Но тогда в чём смысл? Зачем резать мёртвое тело?

— Чтобы оставить послание.

Моррисон поднял на меня глаза. В его взгляде впервые за три часа появилось что-то живое.

— Продолжайте.

— Убийца не просто убивает, — сказала я. — Он создаёт. Для него это искусство. Удушение шарфом — контролируемое, спокойное, без борьбы. Узоры на спине — симметричные, аккуратные, как рисунок на бумаге. Он не садист в обычном смысле — он не получает удовольствия от криков. Он получает удовольствие от совершенства.

— Профиль, — сказал Моррисон. — Вы составили профиль.

— Черновик.

— Давайте посмотрим.

Я достала из папки листок, на котором писала ночью.

— Мужчина. Двадцать пять — тридцать пять лет. Высокий интеллект. Образование выше среднего. Работает в творческой сфере — архитектура, дизайн, искусство. Имеет навыки черчения или рисования. Спокойный, контролируемый, социально адаптированный. Обязательный. Люди ему доверяют.

Моррисон слушал, не перебивая.

— Живёт один или с партнёром, который ничего не подозревает, — продолжила я. — У него есть место, где он работает над «проектами». Гараж, подвал, мастерская. Он не боится крови. Не боится смерти. Возможно, у него были медицинские навыки или он изучал анатомию.

— Мотив?

— Не знаю, — признала я. — Он не мстит. Не наказывает. Жертвы не связаны между собой. Дэниел Коул — программист, семейный человек. Лора Беннетт — менеджер цветочного магазина, одинокая. Разные пол, возраст, образ жизни. Единственное общее — они не оставили бы следов, если бы исчезли.

— Низкий риск, — кивнул Моррисон. — Он выбирает тех, кого не будут искать слишком активно. Тех, чьё исчезновение не вызовет шума. — Или тех, кто просто оказался рядом, — сказала я.

Моррисон откинулся на спинку стула. Сложил руки на груди.

— Вы хороши, Харпер, — сказал он. — Для местного детектива.

— Я не местный детектив. Я просто детектив. — Посмотрим, — повторил он. — А теперь скажите мне то, что вы не написали в этом листке.

Я замерла.

— Что вы имеете в виду?

— Вы что-то скрываете. — Его глаза сузились. — Я работаю в ФБР двадцать семь лет. Я чую недомолвки за версту. Вы что-то знаете или о чём-то догадываетесь, но не говорите.

Я молчала несколько секунд.

— Есть один человек, — сказала я наконец. — Он подходит под профиль. Частично. — Кто?

— Архитектор. Я встречаюсь с ним... не встречаюсь. Мы выпили кофе. Я вернула ему кота

Моррисон поднял бровь.

— Кота?

— Длинная история. — Я вздохнула. — Он подходит по возрасту, по профессии. У него длинные пальцы, спокойные руки. Он слишком хорошо пахнет.

— Слишком хорошо пахнет — это теперь улика? — Это не улика, — сказала я резче, чем хотела. — Это ощущение.

— Ощущение, — повторил Моррисон с лёгкой усмешкой. — Детектив Харпер, я не строю дела на ощущениях.

— Я и не прошу строить дело. Вы спросили, что я скрываю. Я сказала. Деймон Флинн, двадцать семь лет, архитектор. Живёт один. Чёрные волосы, серые глаза. Пепельно-серые.

Я произнесла это вслух и сама поразилась, как это звучит. Пепельно-серые глаза. Как у пепла. Как у углей, которые прогорели, но всё ещё хранят тепло.

— Проверьте его, — сказала я. — На всякий случай.

Моррисон кивнул и сделал пометку в блокноте.

— Проверим. Но если окажется, что вы тратите время федеральных ресурсов на проверку своего молодого человека...

— Он не мой молодой человек.

— Тогда тем более.

Он встал. Его помощники тоже встали — как солдаты по команде.

— Мы начинаем полноценное расследование завтра в восемь утра. Будьте здесь. — Я всегда здесь, — сказала я.

Он вышел из переговорной. Его шаги стихли в коридоре. Я осталась одна.

Передо мной на столе лежали фотографии. Дэниел Коул с узлом на шее. Лора Беннетт с узорами на спине.

И в моей голове — Деймон Флинн с пепельными глазами и чёрной прядью, падающей на лоб. Я взяла телефон. Открыла чат с ним.

Последнее сообщение было от вчера: «Спасибо, что пришла. Спокойной ночи, Эллис.»

Я ответила.

Эллис: «Ты когда-нибудь был в химчистке на Гарвард-стрит?»

Ответ пришёл через минуту.

Деймон: «Нет. А что там?»

Эллис: «Просто спросила.»

Деймон: «Ты всё ещё работаешь? Уже почти полночь.»

Эллис: «Я всегда работаю.»

Деймон: «Это нездорово.»

Эллис: «Я знаю.»

Пауза. Он печатал долго.

Деймон: «Хочешь, приеду? Привезу кофе.»

Я посмотрела на часы. Половина двенадцатого.

Эллис: «Не надо. Я скоро домой.» Деймон: «Тогда до завтра?»

Эллис: «До завтра.»

Я убрала телефон. Почему я спросила его про химчистку? Он мог соврать. Или сказать правду. Я всё равно не узнаю, пока не проверю. Но проверять я не буду. Потому что если проверю и окажется, что он там был... Тогда мне придётся признать, что человек, который

печёт вишнёвый пирог и гладит кота, может резать людей на спине. Или что я просто схожу с ума.

Я закрыла папку, взяла куртку и вышла на улицу. Ночь была холодной. Дождь кончился, но асфальт блестел под фонарями. Я шла к машине и думала о том, что Моррисон назвал меня хорошим детективом. Хороший детектив не влюбляется в подозреваемых. Хороший детектив вообще не влюбляется.

Я села за руль, завела двигатель и поехала домой, в пустую квартиру, где никто не печёт пироги и не ждёт меня с тёплой улыбкой. Смоки — кот Деймона — оставил на моём диване клочок чёрной шерсти. Я собрала его рукой и выбросила в мусорное ведро. Потом достала обратно. Положила в конверт и подписала: «ДНК. На всякий случай.» Я сумасшедшая. Или единственный здравомыслящий человек в этой комнате. Я не знала, что хуже.

ГЛАВА 7 «Идеальное алиби»

Третье убийство случилось в ночь, когда я впервые осталась у Деймона. Я не планировала оставаться. Вообще не планировала ничего, кроме ужина. Но ужин затянулся, потом было ещё вино, потом он включил джаз — старый, чёрно-белый, с хриплым саксофоном, — и я поняла, что не хочу уходить. Не потому что хотела его. Хотя хотела. А потому что устала возвращаться в пустую квартиру, где на столе лежат фотографии мёртвых людей, а в холодильнике — просроченный творог.

— Останься, — сказал он просто. Не как вопрос. Как утверждение.

— Мне завтра рано на работу, — ответила я. — Мне тоже. Архитекторы тоже рано встают. Особенно когда у них стройка.

— Ты врёшь.

— Немного. Но в хорошем смысле.

Я улыбнулась. Он заметил. Потом взял мою пустую тарелку, отнёс в мойку, включил воду. Я смотрела на его спину. Широкая, расслабленная, под белой футболкой угадывались лопатки.

— У тебя есть полотенце? — спросила я.

Он обернулся.

— Гостевые в шкафу в коридоре. И зубная щётка — новая, в упаковке.

— Ты всегда готов к ночёвкам?

— Я всегда готов к тому, что кто-то захочет остаться, — ответил он. — Но обычно никто не хочет.

Я не стала спрашивать почему. Я и так знала. Он был слишком... правильным.

Слишком спокойным. Слишком идеальным. Люди боятся идеальных людей. Потому что идеальные — ненастоящие. Но я была слишком уставшей, чтобы бояться.

Я пошла в ванную. Белая плитка, мыло с запахом сандала, свежие полотенца. Зеркало в простой деревянной рамке. Я посмотрела на себя. Тени под глазами. Светлые волосы растрёпаны. Кожаная куртка сброшена на стиральную машину. Под ней — серая футболка, которая помнит лучшие времена.

«Ты с ума сошла», — сказала я своему отражению. «Ты знаешь его меньше недели». Отражение промолчало.

Я почистила зубы новой щёткой, сняла джинсы, оставшись в одной футболке. В спальню вошла на цыпочках — босиком, стараясь не стучать. Деймон уже лежал в постели. На нём была только серая футболка и, кажется, ничего больше. Он читал книгу — старый детектив в потрёпанной обложке.

— Не стесняйся, — сказал он, не поднимая глаз. — Я сплю только с одной стороны.

Я легла на свободную половину кровати. Простыни пахли сандалом и ещё чем-то — хлебом, что ли? Или корицей. Я закрыла глаза и провалилась в темноту. Он выключил свет. Я не знаю, сколько я спала. Может, час. Может, три. В какой-то момент я открыла глаза — как будто кто-то тронул меня за плечо. Рядом никого не было. Я приподнялась на локте. Кровать пустая. Простыня на его стороне остыла — значит, он встал давно. В комнате было темно, только уличные фонари пробивались сквозь неплотные шторы. Я села.

— Деймон?

Тишина. Я встала, прошла в коридор. Кухня пустая, но на столе догорает свеча — та самая, которую он всё-таки зажжёт, несмотря на мои насмешки. Ванная пустая, свет выключен. Я замерла у двери в гостиную. Прислушалась, ни звука.

Потом я заметила — входная дверь не заперта. Просто прикрыта. Не защёлкнута на замок. Холодок пробежал по позвоночнику. Я толкнула дверь. Вышла на лестничную клетку. Бетонные ступени, тусклая лампочка, запах пыли и чужой жизни.

Деймона не было. Я вернулась в квартиру, закрыла дверь на замок. Села на диван в гостиной и включила телефон.

02:47. Три часа ночи.

Я открыла чат с ним. Написала:

Эллис: «Ты где?»

Ответа не было. Я ждала пять минут. Десять. Потом услышала шаги на лестнице. Дверь открылась. Деймон вошёл, и я увидела его в свете уличного фонаря. Чёрные волосы мокрые — не от дождя, от воды. Футболка влажная, прилипла к груди. Он тяжело дышал, будто бежал.

— Ты не спишь, — сказал он. Не вопрос. Утверждение.

— Ты вышел, — ответила я. — В три часа ночи. Без ключей.

Он посмотрел на свои руки. В одной он сжимал связку ключей.

— Забыл, — сказал он. — Вышел в магазин. Не мог уснуть.

— В три часа ночи?

— В Бостоне есть круглосуточные магазины. — И что ты купил?

Он вытащил из кармана пачку сигарет. Я никогда не видела его курящим.

— Это плохая привычка, — сказал он. — Я пытаюсь бросить. Но иногда... иногда хочется.

Я смотрела на него. На мокрые волосы. На влажную футболку. На сигареты, которые он держал в длинных чистых пальцах.

— Ты не куришь, — сказала я.

— Что?

— Ты не куришь. — Я встала с дивана. — Я была у тебя в ванной. Нет пепельницы. Нет запаха табака. Ты не куришь.

Деймон замер. На секунду его лицо стало чужим — пустым, как у человека, который забыл, какую роль играет. А потом он улыбнулся. Такой же мягкой, тёплой улыбкой.

— Ты очень наблюдательная, Эллис. Это мне в тебе нравится.

— Где ты был?

— Гулял.

— В три часа ночи?

— В три часа ночи город другой. Тихий. Спокойный. Мне нравится думать, когда никого нет.

Он прошёл мимо меня в ванную. Я услышала, как зашумела вода. Он мыл руки. Долго. Очень долго. Когда он вернулся, я уже лежала в кровати. Спиной к нему. Он лёг рядом, не касаясь.

— Ты злишься? — спросил он.

— Нет, — сказала я.

— Ты врёшь.

— Немного. Но в хорошем смысле.

Он тихо засмеялся. Потом его рука легла на мою талию — осторожно, будто спрашивая разрешения. Я не убрала её. Мы лежали так до утра. Я не спала. Он, кажется, тоже. В семь утра мой телефон завибрировал.

Сообщение от Бейкера:

Бейкер: «Третье тело. Северная часть. Давай быстрее.» Я села в постели. Деймон открыл глаза.

— Проблемы? — спросил он.

— Работа, — ответила я.

— Мне нужно ехать.

— Я сделаю кофе.

Я натянула джинсы, куртку, берцы. Волосы собрала в хвост — не глядя, дрожащими руками.

— Эллис, — сказал он.

Я обернулась. Он стоял в дверях кухни, босиком, в той же футболке.

— Всё будет хорошо, — сказал он. — Откуда ты знаешь?

— Потому что ты сильная.

Я вышла, не ответив. В машине я включила радио. Нет, не музыку. Новости.

«...полиция Бостона подтверждает обнаружение третьего тела с признаками насильственной смерти. Подробности не разглашаются...»

Я вдавила педаль газа. На месте преступления меня встретила Нина.

— Снова узоры? — спросила я.

— Хуже, — сказала она, бледная. — Теперь он торопится.

Я заглянула под жёлтую ленту ограждения. Тело мужчины. Где-то за сорок. Лежал на спине — в отличие от других. Глаза открыты. В них — пустота. На груди — узоры.

Такие же симметричные, параллельные. Но глубже. Грубее.

— Он злится, — сказала Нина. — Первые два были аккуратными. Художественными. Этот — быстрее, злее. Что-то изменилось.

Я смотрела на разрезы и думала о другом. Деймон Флинн вернулся домой в три пятнадцать. С мокрыми волосами. С футболкой, которую можно было прополоскать под краном. Идеальное алиби. Он был со мной. Всю ночь. Нет.

Он был со мной почти всю ночь.

Я достала телефон. Открыла чат.

Эллис: «В котором часу ты вышел из дома?»

Ответ пришёл через минуту.

Деймон: «Детектив Харпер, вы меня допрашиваете?»

Эллис: «Отвечай.»

Деймон: «Около трёх. Не помню точно. Я не смотрел на часы.»

Эллис: «А вернулся?»

Деймон: «Перед твоим звонком. Я же сказал — гулял.»

Перед моим звонком. Я звонила ему в 2:47. Значит, он вернулся между 2:47 и тем моментом, когда вошёл в квартиру. Через несколько минут. С мокрой головой.

Время смерти, скажет позже Нина, — около трёх ночи. Плюс-минус полчаса.

Идеальное алиби. Его не было дома в момент убийства. Но в момент смерти он был со мной. Я убрала телефон и подошла к телу.

— Что у нас есть? — спросила я у Нины. — Та же манера. Те же инструменты. Но он спешил. Это первое убийство, на котором он мог оставить отпечатки.

— Нашла что-нибудь?

Нина покачала головой.

— Он слишком умный для отпечатков. Или слишком везучий.

Или и то и другое. Я смотрела на узоры на груди мёртвого мужчины и думала о том, что Деймон Флинн вернулся домой в три пятнадцать. С мокрыми волосами. С футболкой, которую можно было прополоскать в любой реке, любой луже, любой раковине. С руками, которые пахли сандалом и хлоркой.

— Ты что-то нашла? — спросила Нина. — Нет, — сказала я.

— Ничего.

Я солгала. Не в хорошем смысле.

ГЛАВА 8 «Его маленький ритуал»

Три дня после третьего убийства я жила как в тумане. Не спала. Почти не ела. Мне снились узоры — они плавали перед глазами, когда я моргала, когда пила кофе, когда сидела за рулём. Параллельные линии, симметричные разрезы, аккуратные, как чертёж. Я видела их везде: на коже мёртвых, на бумаге в папке, на внутренней стороне собственных век, когда закрывала глаза. Я проверила алиби Деймона. Не потому что хотела. Потому что должна была. Потому что каждую ночь я просыпалась в три часа и лежала без сна, слушая, как тикают часы на кухне. И думала. О его мокрых волосах. О футболке, прилипшей к груди. О том, как долго он мыл руки в ванной — несколько минут, пока вода шумела, а я сидела на кровати и смотрела на пустую подушку рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.